

**«ЗА ПОЛОГОМ ВЕСЕННЕГО ДВОРЦА.
КУЛЬТУРА ЛЮБВИ В ТРАДИЦИИ НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ».
ВРЕМЕННАЯ ВЫСТАВКА И СИМПОЗИУМ
В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО РАН**

Изучение традиционного эротического сознания и традиционного мировоззрения при взаимоотношении полов – неотъемлемая часть этнографической науки. В последние десятилетия в нашей стране, как и во всем мире, резко возрос интерес к этому аспекту восточной культуры, весьма отличающейся от европейской и в морально-нравственном, и в этическом, и в эстетическом аспектах. Этот интерес и стал стимулом для подготовки выставки, открывшей новую страницу в экспозиционной тематике МАЭ («Кунсткамера»).

Новая временная экспозиция, открывшаяся в марте 1997 года, получила название «За пологом Весеннего дворца. Культура любви в традиции народов Восточной и Юго-Восточной Азии». Цель выставки – показать одну из особенностей традиционного восточноазиатского жизненного порядка.

Вводный раздел экспозиции был посвящен архаичным земледельческим культам, в значительной мере определившим мифологизм восточноазиатского взгляда на проблему сосуществования полов. Глубинные пласты традиционного мировоззрения народов этого региона неразрывно связаны с представлениями о борьбе и единстве женского (Инь) и мужского (Ян) начал, которые находили конкретное выражение в различных сферах жизни и деятельности людей. Согласно даосскому учению, вся мудрость мира заключена в восьми священных знаках – триграммах, которые возникают из древнего изображения, называемого «Великим Пределом», представляющего собой круг, разделенный на две половины линией, напоминающей латинское «S». Одна из половин круга – светлая с темной точкой, другая – темная со светлой точкой. Светлая половина символизирует активный принцип Ян, мужское начало, Небо, а черная – Инь, принцип пассивный, начало женское, Землю. Эта диаграмма стала и своеобразным символом выставки.

Начиная с седой древности, человек заботился о воспроизводстве средств существования, о плодородии. Среди многочисленных первобытных культов культы плодородия принадлежат к числу древнейших и наиболее распространенных в Восточной и Юго-Восточной Азии. Они в первую очередь отражают идею воспроизводства всего живого в растительном и животном мире. Символами вечности бытия, начала жизни и ее благополучного развития в его сознании являлись изображения мужских и женских половых органов, им поклонялись, приносили жертвы, их воспевали. Очень часто этот культ находил воплощение в форме фаллоса или фаллоидного столбика. Фаллические изображения олицетворяли производящую силу природы, дарующую потомство и продолжение жизни, рода, хранящую здоровье людей и противостоящую злым силам. Фаллический культ тесно связан с магическими земледельческими обрядами. В Японии и в наше время действует большое количество храмов, в которых есть изображение фаллоса как символа плодородия. К ним приходят японцы с просьбой о потомстве, прежде всего мужском, или получения богатого урожая. В этом разделе экспозиции были представлены различные фаллические изображения, характерные для японских синтоистских культов, куклы-кокэси, имеющие фаллоидную форму и выступавшие в роли субститута фаллических изображений, а также различные скульптурные изображения, вписанные в фаллоидный контур (деревянная статуэтка бодхисаттвы Каннон, глиняные фигурки барсуков с фаллоидными грибами в лапах и т.д.). Гротескные черты, напоминающие мужские или женские гениталии, придавались и традиционным японским театральным маскам, изображавшим некоторых персонажей синтоистской мифологии. Иллюстрация такого гротеска – маски театра Но, представляющие Инари, Хеттако, Окамэ-сан (Амэ-но Идзумэ) и демона Тэнгу.

Китайские, японские, тибетские, монгольские предметы традиционной культуры в экспозиции, в многочисленных, хорошо понятных им знаковых выражениях зафиксировали проявления Фаллического культа, союза Неба и Земли (благопожелательные жезлы «жун», самурайские мечи, музыкальные инструменты, картины с изображением дождя, женские украшения и предметы туалета).

С древнейшими земледельческими и, в частности, фаллическими, культами связано почитание дракона. Дракон – это архетипический образ владыки земли и воды, характерный прежде всего для культур народов Восточной Азии.

Условно можно выделить группу докладов, посвященных изучению значения рек в формировании и развитии хозяйственно-материальной сферы культуры, поскольку практически в каждом из выступлений в той или иной степени рассматривались и аспекты культуры духовной. Ф.Ф. Болотов (ИАЭ СО РАН) в докладе остановился на вопросе о значении рек и речек в развитии поливного земледелия русских Забайкалья. Д.В. Черемисинов и И.В. Октябрьская (ИАЭ СО РАН) подняли проблему о роли рек в пространстве культуры с точки зрения традиций природопользования в высокогорной зоне южного Алтая. В.И. Дьяченко (МАЭ) раскрыл зависимость хозяйственного цикла тундровых охотников на дикого оленя от особенностей речного ландшафта. Вопросы экологической и социальной зависимости развития хозяйства охотников и рыбацкое Среднего Приобья, от одной из величайших рек Сибири отразились в докладе Н.А. Повод (Ин-т проблем освоения Севера СО РАН). Ее коллеги М.А. Зеньков и А.А. Богордаева выступили с чрезвычайно актуальным докладом о современном состоянии этнической культуры населения бассейна Средней Оби в аспекте традиционного жизнеобеспечения и среды обитания коренного населения. Необычайно интересная и, к сожалению, еще недостаточно изученная тема о формах регламентации поведения в традиционных культурах и их соотносительности с определенными хозяйственно-культурными типами (на примере тазжских народов Северной Сибири) была освещена в докладе К.А. Алехина (ИАЭ СО РАН).

Один из наиболее сложных вопросов о значении изолированных речных бассейнов в процессах этно- и культурогенеза народов Сибири (на примере селькупов Оби) был рассмотрен в докладе И.Н. Гемуева (ИАЭ СО РАН). Несомненный интерес представляли доклады А.Ю. Майничевой (ИАЭ СО РАН) об истории возникновения поселений восточных славян в бассейне Оби и В.Л. Мартынова (СПб. гос. пед. ун-т) о воздействии искусственных водных путей на формирование территориально-культурных общностей и, в частности, о возникновении старообрядческих поселений в Обь-Енисейском бассейне. Эта тема была продолжена в докладе Е.Ф. Фурсовой (ИАЭ СО РАН), посвященном истории сложения старожильского русского населения Приобья и проблеме формирования сибирского субэтноса чалдоны.

В значительной части докладов по Сибири были освещены тема реки в фольклоре, мифологии и в целом ее функциональной роли в традиционном мировоззрении и архаической картине мира.

Важнейшее значение образа реки в организации мифологического пространства в культурной традиции столь разных народов как ханты, манси, эвенки, якуты, буряты, нивхи, которое было раскрыто в докладах В.М. Кулемзина (Томский гос. ун-т), П.В. Ермоловой (МАЭ), А.И. Гоголева (Якутский гос. ун-т), Л.Р. Павлинской (МАЭ), С.Г. Жамбаловой (БИОН), Б.С. Дугарова (Союз писателей Бурятии), А.Б. Островского (РЭМ), позволило поднять проблему влияния ландшафта, в данном случае речного (озерного), на формирование способа восприятия мира, на природу культурного символизма. Эта тема, расширенная включением в анализ материала по обрядово-ритуальной культуре кетов, тюрков, угров, а также народов Амура и Сахалина, была продолжена в докладах Е.А. Алехина, В.П. Дьяконовой и С.Н. Соломатиной, Е.Г. Федоровой, М.М. Хасановой (все – МАЭ), Т.П. Ронин (Южно-Сахалинский краеведческий музей), в которых раскрыты особенности восприятия водной стихии как первосущности и организующей космологической функции образа реки (озера, родника) в мировоззренческой традиции народов Сибири.

Исследователи дают представление о таких аспектах как водный мир в культурных традициях коренных народов Сахалина и Амура, о речной и озерной темах в бурятском эпосе и традиционном мировоззрении, о реке и воде в мифоритуальной, мифопоэтической традициях и культуре тюркских народов Саяно-Алтая, якутов, эвенков, кетов и обских угров.

Обсуждение докладов показало глубокую заинтересованность всех участников конференции в предложенной теме. Была подчеркнута продуктивность полидисциплинарного подхода к решению данной проблемы и высказано пожелание о продолжении исследований в этом русле и желательности проведения в будущем регулярных Мечниковских чтений.

Л.Р. Павлинская, Ю.К. Поллинский.

**«ЗА ПОЛОГОМ ВЕСЕННЕГО ДВОРЦА.
КУЛЬТУРА ЛЮБВИ В ТРАДИЦИИ НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ».
ВРЕМЕННАЯ ВЫСТАВКА И СИМПОЗИУМ
В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО РАН**

Изучение традиционного эротического сознания и традиционного мировоззрения при взаимоотношении полов – неотъемлемая часть этнографической науки. В последние десятилетия в нашей стране, как и во всем мире, резко возрос интерес к этому аспекту восточной культуры, весьма отличающейся от европейской и в морально-нравственном, и в этическом, и в эстетическом аспектах. Этот интерес и стал стимулом для подготовки выставки, открывшей новую страницу в экспозиционной тематике МАЭ («Кунсткамера»).

Новая временная экспозиция, открывшаяся в марте 1997 года, получила название «За пологом Весеннего дворца. Культура любви в традиции народов Восточной и Юго-Восточной Азии». Цель выставки – показать одну из особенностей традиционного восточноазиатского жизненного порядка.

Вводный раздел экспозиции был посвящен архаичным земледельческим культам, в значительной мере определившим мифологизм восточноазиатского взгляда на проблему сосуществования полов. Глубинные пласты традиционного мировоззрения народов этого региона неразрывно связаны с представлениями о борьбе и единстве женского (Инь) и мужского (Ян) начал, которые находили конкретное выражение в различных сферах жизни и деятельности людей. Согласно даосскому учению, вся мудрость мира заключена в восьми священных знаках – триграммах, которые возникают из древнего изображения, называемого «Великим Пределом», представляющего собой круг, разделенный на две половины линией, напоминающей латинское «S». Одна из половин круга – светлая с темной точкой, другая – темная со светлой точкой. Светлая половина символизирует активный принцип Ян, мужское начало, Небо, а черная – Инь, принцип пассивный, начало женское, Землю. Эта диаграмма стала и своеобразным символом выставки.

Начиная с седой древности, человек заботился о воспроизводстве средств существования, о плодородии. Среди многочисленных первобытных культов культы плодородия принадлежат к числу древнейших и наиболее распространенных в Восточной и Юго-Восточной Азии. Они в первую очередь отражают идею воспроизводства всего живого в растительном и животном мире. Символами вечности бытия, начала жизни и ее благополучного развития в его сознании являлись изображения мужских и женских половых органов, им поклонялись, приносили жертвы, их воспевали. Очень часто этот культ находил воплощение в форме фаллоса или фаллоидного столбика. Фаллические изображения олицетворяли производящую силу природы, дарующую потомство и продолжение жизни, рода, хранящую здоровье людей и противостоящую злым силам. Фаллический культ тесно связан с магическими земледельческими обрядами. В Японии и в наше время действует большое количество храмов, в которых есть изображение фаллоса как символа плодородия. К ним приходят японцы с просьбой о потомстве, прежде всего мужском, или получения богатого урожая. В этом разделе экспозиции были представлены различные фаллические изображения, характерные для японских синтоистских культов, куклы-кокэси, имеющие фаллоидную форму и выступавшие в роли субститута фаллических изображений, а также различные скульптурные изображения, вписанные в фаллоидный контур (деревянная статуэтка бодхисаттвы Каннон, глиняные фигурки барсуков с фаллоидными грибами в лапах и т.д.). Гротескные черты, напоминающие мужские или женские гениталии, придавались и традиционным японским театральным маскам, изображавшим некоторых персонажей синтоистской мифологии. Иллюстрация такого гротеска – маски театра Но, представляющие Инари, Хеттако, Окамэ-сан (Амэ-но Идзумэ) и демона Тэнгу.

Китайские, японские, тибетские, монгольские предметы традиционной культуры в экспозиции, в многочисленных, хорошо понятных им знаковых выражениях зафиксировали проявления Фаллического культа, союза Неба и Земли (благопожелательные жезлы «жуи», самурайские мечи, музыкальные инструменты, картины с изображением дождя, женские украшения и предметы туалета).

С древнейшими земледельческими и, в частности, фаллическими, культами связано почитание дракона. Дракон – это архетипический образ владыки земли и воды, характерный прежде всего для культур народов Восточной Азии.

символизировала мужские половые органы, а лютя – женские. Изображение мужчины и женщины, создающих мелодию на этих инструментах, прямо указывало на их интимную связь. Поэтому на многих эротических картинах предающиеся любви пары одновременно занимаются музицированием.

Примечательно, что в восточноазиатской культуре секс отнюдь не являлся запретной темой; сексуальные отношения воспринимались как дело будничное, обычное, естественное, нормальное. Соитие не считалось актом сугубо интимным, поэтому его особенно не скрывали ни от посторонних, ни от детей. Оно рассматривалось как священная обязанность, долг всех людей, по крайней мере до 60-ти лет, который надлежало исполнять им с подлинным усердием и тщательностью.

В старом Китае традиционное мировоззрение определенно различало секс и любовь. В отличие от европейской христианской традиции, платоническая любовь мужчины к женщине осуждалась и в жизни, и в литературе. У китайцев существовало также резко негативное отношение к публичному поцелую и объятиям, ибо традиция видела в них начало интимной близости, а поцелуй, не ведущий к продолжению «цветочной битвы» рассматривался как нарушение гармонии Инь и Ян, что дурно влияло не только на здоровье целующихся, но и пагубно воздействовало на общественные нравы.

К началу супружеской жизни молодых людей готовили в нравственном, психологическом и физическом отношении. Жена должна была удовлетворять все сексуальные потребности и фантазии мужа, всемерно (насколько хватало ее знаний, сил и умений) способствовать ему в выполнении его семейного долга. В круг ее семейных обязанностей входило поддержание половой активности супруга, а в случае его усталости она должна была уметь приготовить возбуждающие средства. Женщина, жена, должна была быть компетентной в «науке страсти нежной». Поэтому в период свадьбы мать с помощью различных картинок посвящала свою дочь в тайны супружеской любви, дабы она всегда была желанной для своего мужа. Такие картинки выполняли роль своеобразных учебников искусства любви. Назидательный характер носили также и соответствующие произведения китайского фольклора и литературы. На выставке была представлена целая коллекция таких картинок, отражающая эстетику чувственной любви в старом Китае.

Для традиционного Китая были характерны и своеобразные, весьма отличающиеся от европейских, представления о красоте человеческого тела. Так, для того, чтобы считаться красивым, мужчина должен был быть полным и пухлым, как равномерно вызревшее яблоко. Большой круглый живот также украшал мужчину, ибо свидетельствовал, что он обладает целым «океаном энергии ци», и это считалось признаком сексапильности.

Идеалом же женской красоты в старом Китае считались плоская грудь и маленькая ножка, последняя была к тому же главным объектом мужской ласки, ее называли «золотым лотосом» или «золотой лилией». Для такой ножки существовали даже специальные ночные туфельки. Ножку начинали бинтовать, когда девочке исполнялось 3–4 года. Этот обычай длительное время сохранялся в традиционном Китае. На выставке были представлены крошечные китайские женские туфельки XIX века, гипсовый слепок с деформированной ножки китаянки, бинты для ножек, а также живописные картинки, иллюстрирующие процесс ласки женской ножки.

Поскольку в старом Китае гармония сексуальных отношений считалась делом государственной важности, эта сфера человеческой жизни стала объектом пристального внимания даосов – религиозных учителей, философов, мистиков, магов и врачей. Теория и практика секса рассматривалась ими в общем контексте гармонии мироздания и индивидуального пути к обретению личного бессмертия и предусматривала соответствующий, выверенный веками режим питания, дыхательных и физических упражнений (например, практика задержки мужской семяизвержения во время полового акта), необходимый для поддержания жизненных сил человека.

Научная, философски обоснованная, эротология зародилась на Востоке задолго до нашей эры. Древние рассматривали медицину как достаточное средство воздействия на физические и духовные, естественные и сверхъестественные свойства человеческого организма. Главным предметом забот врача (шамана) у народов Восточной и Юго-Восточной Азии всегда оставалась пиевма (кит. «ци»), которая рассматривалась как основа души и тела. Таким образом, центром соединения всех функций человека, по их представлениям, оказывалась эротическая сфера, а поэтому роль врача в контроле за разнообразными эротическими действиями была весьма велика. Такого рода врачеванием занимались также монахи, в том числе буддийские и даосские. В одной из витрин экспозиции были представлены образцы лекарств и их экзотических ингредиентов (молотые клешни крабов, сушеные каракатицы, воробьиные яйца, различные травы и корешки, порошок из хитиновых покровов насекомых и т.д.).

Древними китайскими эротологическими трактатами считаются «Ши вэнь» («Десять вопросов»), IV-

III вв. до н.э., и «Рецепты Девы» («Сунной фан»), VI–VIII вв. Первый из них стал известен современной науке только в начале 70-х годов нашего века, когда был обнаружен китайскими археологами вместе с другими древнедаосскими эзотерическими текстами в местечке Мавандуй. Его текст состоит из диалогов. Вот пример одного из них.

«Желтый император (легендарный правитель) спросил у Дачэна (знатока эротического искусства): «Отчего с людьми случается такая напасть, что их лица грубеют, чернеют и зеленеют? Как добиться того, чтобы кожа у людей была нежной, белоснежной и блестящей?»

«Дачэн ответил: «Если Вы, Государь, желаете быть белоснежным, как чистый шелк, обратите свой взор на способ питания гусеницы-землемера, поддерживающий силы инь (женское начало) и ян (мужское начало). Поедая зеленое, она зеленеет, поедая желтое – желтеет. Так и Вы, Государь, окрашиваетесь в тот или иной из пяти цветов (сине-зеленый, желтый, черный, белый, красный), в зависимости от того, что едите.

Вы, Государь, должны постоянно вкушать инь (иньские продукты, стимулирующие половую функцию). Этому прекрасно способствует употребление плодов платикладуса восточного. Питье живительной влаги четвероногих животных (молока, спермы, отвара из половых органов) может отбросить старость, вернуть крепость и сделать кожу нежной, гладкой и блестящей. Желая многократных соитий с посетителями начала инь, следует употреблять в пищу летающую дичь, весенние воробьиные яйца, возбуждать себя поющими петухами. У поющих петухов имеются семенники, употребление которых поистине способно возродить нефритовый стручок (мужской половой орган), высоко вздымаясь, он становится способным к соитию и проникновению в нефритовую нору (женский половой орган). Присполнившись силой, можно пускать его в ход и поддерживать воробьиными яйцами. Если же нефритовый стручок не способен к соитию, его укрепляют пшеницей (добавлением пшеничной каши или солодового сахара к воробьиным яйцам). Употребление этого поистине способно поднять мертвого. Таков путь Дачэна, поднимающий мертвых с помощью поедания птичьего семени».

В дальнейшем китайское искусство любви получило распространение в Японии, Корее, во Вьетнаме и других соседних странах и послужило толчком для создания местной традиции эротологии и художественного изображения интимных сцен.

Один из разделов выставки был посвящен японской эротической культуре. В Японии издавна умели ценить красоту и восхищаться всеми ее проявлениями: красотой восходов и закатов солнца, туманом и дождем, морем и волнами, горами и лесами, цветами и птицами, но особенно – нежной красотой прелестных женщин.

В жизни старинной японской аристократии значительное место уделялось куртуазным отношениям: был разработан детальный этикет и возвышенная эстетика «науки страсти нежной». Тонко завуалированный эротический подтекст воплощался в образах традиционной живописи, в декоре великолепных одежд (на выставке были представлены великолепно декорированные женские кимоно начала XX в.), в простоте и изяществе церемонии чае- и винопития, в традиционной японской музыке и, конечно, в любовной лирике. Влюбленные посвящали друг другу полные нежности стихи, где при помощи поэтических символов выражали свои чувства, свои надежды и опасения.

В Японии, как и в Китае, эротическая тема отнюдь не считалась запретной или неприличной, и чувственная любовь была одной из основных тем традиционной гравюры XVII–XIX вв., включая произведения таких всемирно известных художников, как Хокусай, Утамаро, Куниёси, Куинсада и др. Японские эротические изображения по сравнению с китайскими более натуралистичны, но и им присущи изящество и твердость линии и нетривиальность композиции. В экспозиции представлена книга эротических фантазий середины прошлого века, украшенная гравюрами известного мастера Осаки школы Куниёси, о чем можно судить по гербу этого мастера, представленному в книге, – трилистнику павлонии, который художник назвал «Еси-кири» («Павлония Куниёси»).

В японской литературе и искусстве, начиная со средневековья, был широко распространен сюжет о заброшенном в океане острове, населенном исключительно одними женщинами, и о тяжелой участи мужчин, в силу различных обстоятельств попадавших туда. В коллекциях МАЭ хранится многоцветный свиток, посвященный этой теме (рисовая бумага, вторая половина XIX в.). Он имеет следующее содержание.

В тихую погоду рыбаки на своих лодках вышли в море ловить рыбу, однако вскоре разыгралась буря, все они погибли, только одна лодка с тремя юношами (среди них был один буддийский монах) была прибита в конце концов к берегу женского острова. Появлению их обитательницы этой небольшой земли в океане

очень обрадовались и предложили им заняться любовью. Завершение свидания, запечатленное на свитке, не лишено юмора. Потеряв много жизненной энергии и испугавшись за свою жизнь, молодые люди бегом устремились к своей спасительной лодке, чтобы поскорее уйти в море. Разгневанные женщины гонятся за ними, пытаясь задержать.

Заключительный раздел выставки был посвящен тантрической объемной пластике и религиозной живописи-танка, весьма своеобразно трактующими творческое начало мистических ритуалов через призму эротических мотивов и сцен физической близости божеств, олицетворяющих космические энергии.

Тантрическим называют одно из направлений «северного» буддизма, его тайную, сокровенную часть. Эту школу буддизма называют также Ваджраяна, «Громовая Колесница». Она распространена в северной Индии, Непале, Тибете, Китае, Монголии, Бурятии и Калмыкии. Ваджраяна вобрала многие черты древней тантры – тайного мистического учения индийских йогов и не менее древних местных магических культов. Практика буддийской тантрической йоги ориентирует ее адептов на достижение полного освобождения, в том числе от всевозможных страданий, иллюзий и привязанностей, и на постижение истинной сути вещей, что называется просветлением. Подобная практика предполагает накопление и сублимирование (от латинского «sublimus» – «возвышенный») той самой жизненной энергии, которую обычные люди, как правило, бездумно растрачивают по пустякам. Адепты же тантрического учения преобразуют накопленную жизненную силу, ассоциирующуюся в восточной эзотерической традиции с мужским семенем, в психическую энергию, благодаря которой могут, как утверждает традиция, совершать настоящие чудеса – исцелять тяжело больных людей, долгое время находиться под землей или водой, не замерзая в ледяных пещерах при пятидесятиградусном морозе, управлять погодой и многое другое.

Тантрический буддизм имеет на вооружении самые разнообразные эзотерические практики, направленные на достижение духовной мощи: молитвы к богам и духам, чтение священных текстов, тысячекратное повторение мантр, йогические упражнения и дыхательные техники, а также изощренные медитации. В том числе во время ритуального сония, благодаря которому при соблюдении сложных и строгих йогических процедур высвобождается колоссальная психическая энергия, необходимая для самосовершенствования адепта.

В тантрическом буддизме большое внимание уделяется традиционной иконографии. Пантеону многочисленных будд, бодхисаттв, богов, великих Учителей и гневных гениев-храпителей учения посвящено великое множество бронзовых статуй и тантрических живописных изображений – танка.

Многие из тантрических божеств изображаются в экстатическом слиянии со своими небесными супругами. Соединение мужских и женских божеств следует понимать как «алхимический брак», как мистический творческий акт, как символ высшего проявления психической энергии, персонифицируемой этими божествами.

Тантрические изображения вместе с разнообразными культовыми предметами служили для церемоний, ритуальных действий и медитаций в буддийских монастырях. К тантрическим культовым предметам относятся бронзовые курительницы, колокольчики, ритуальные жезлы «ваджра» (санскр.), разгоняющие нечистых демонов, небольшие «домашние» чортэны (буддийские пагоды) и символические изображения восьми буддийских драгоценностей». На выставке были показаны различные бронзовые статуэтки будд Шакьямуни, Амитабха, бодхисаттв (Белая Тара, Амидаюс, Авалокитешвара), йидамов (Гухья-Самаджа, Ваджрапани).

Примечательно, что некоторые из атрибутов буддийского тантрического ритуала восходят к древним буддийским культам, для которых было характерно поклонение священному фаллосу. Поэтому удивительно, что многие тантрические культовые предметы очень часто имеют более или менее выраженную фаллоидную символику, заимствованную и переосмысленную буддизмом Ваджраяны из более ранних пластов религиозной традиции Востока.

Концепция экспозиции «За пологом Весеннего дворца» была разработана зав. отделом Восточной и Юго-Восточной Азии А.М. Решетовым при участии Р.А. Ксенофонтовой и А.Ю. Синицына и утверждена музейной комиссией МАЭ; в подготовке выставки участвовали также сотрудники отдела А.А. Свиридов, В. Суелова, Н.В. Кисляков и М.Н. Серебрякова. Дизайн выставки и монтаж экспонатов был выполнен группой художников-оформителей во главе с Д.К. Маевским и Е.А. Спешилковым.

Эта временная экспозиция пользовалась неизменным успехом у зрителей; за год с ней успели ознакомиться несколько тысяч посетителей МАЭ.

Проведенный Санкт-Петербургским отделением Ассоциации антропологов и этнографов России и делом Восточной и Юго-Восточной Азии симпозиум «Любовь и эротика в контексте традиционной

В.Р. Арсеньев (МАЭ) выступил с докладом «К проблеме архетипического эротизма в культуре бамбара», в котором затронул проблему своеобразия эротического сознания бамбара – типичного этноса гадносуданской саванны, находящегося на стыке архаики и цивилизации, а также проблему концептуального аппарата, при помощи которого современные этнологи и этнографы пытаются познавать чужих культур.

В сообщении А.Ю. Сипицына (МАЭ) «Меч как фаллический символ» была рассмотрена двоякая архетипа меча (прежде всего – на материале японских самурайских мечей) в ее взаимосвязи с двоякой таких архетипов, как «фаллос», «предок», «дракон», «правитель». Эта взаимосвязь проявляется как в ритуалах и мифах, выстраивающихся вокруг меча, так и в декоративном убранстве клинка и элементов монтировки этого благородного оружия.

В заключение участники конференции выразили надежду, что затронутая в докладах тематика будет продолжена в последующих заседаниях эротологического семинара.

А.М. Решетов, А.Ю. Сипицын